

Рудольф Штейнер

ДУХО-ПОЗНАНИЕ В СЧАСТЛИВЫЕ

И СУРОВЫЕ ЧАСЫ ЖИЗНИ

Лекция 6

Из GA 64:

ИЗ СУДЬБОНОСНОГО ВРЕМЕНИ

Берлин 15 января 1915

Перевод с немецкого А.А. Демидов

Во вчерашней лекции я позволил себе обратить внимание на то, как в борьбе и стремлении немецкого духовного развития содержатся зародыши истинной духовной науки, которая должна принести нам в будущем то, что должно родиться из современности. Хотя я и пытался указать, что в той духовной работе, в тех духовных стремлениях, было необходимо - для того, чтобы привести к идеям, представлениям и воззрениям, выступившим в немецкой духовной жизни в первой половине девятнадцатого столетия, - было необходимо, чтобы эти стремления и борьба служила подготовкой к признанию того, что, несомненно, в наше время может получить лишь мало признания, - по понятным причинам, которые здесь, именно в этих лекциях часто излагались. Речь идет как раз о том, что человек может придти к этой духовной науке лишь посредством развития тех сил человеческой души, которые, прежде всего, для самого человека остаются скрытыми в душе; человек может придти к этой духовной науке лишь тогда, когда благодаря энергичной внутренней мыслительной работе, - посредством так называемых медитаций и концентраций, - из внутреннего мира будут высвобождены те силы, которые когда-то в более сумеречном состоянии сознания, приводили к тому, упоминавшемуся вчера ясновидению, которое существовало в душах в изначальный период человечества и народов, и которое, посредством сознательной мыслительной деятельности, может быть высвобождено снова. Но тогда они выступают в душе уже как осознанные силы, так что это состояние ясновидения, открывая отношения духовного мира, вступает в душу, будучи полностью осознанным и при сохранении человеческой индивидуальности, так же, как вступают в человеческую душу соотношения материального мира. Те медитации, концентрации, та внутренняя работа души в жизни представлений, ощущений и воли, которая необходима для такого развития души, часто являлись предметом, темой здешних лекций. Сегодня можно не говорить об этом снова.

Ибо сегодня мне хотелось бы указать на то, как результаты этих, достигнутых посредством духовной работы, духовных познаний могут вести к повышению жизненной энергии, к укреплению и усилению человеческой жизни в её суровые и счастливые часы.

Вполне естественно и, само собой разумеется, что для сознания нашего времени, сознания, склонного к материалистическому мышлению, покажется абсурдным, парадоксальным, может быть смешным, когда духовный исследователь сегодня говорит о том, что человек состоит не только из того, что знает о человеке внешняя наука, - биология, физиология ит.д., и что знает так называемая, построенная лишь на внешних фактах психология; когда духовный исследователь утверждает, что человек в действительности состоит из ряда членов, среди которых физический, материальный, телесный человек является лишь одной составной частью, одним из членов, в то время как другие части, воспринимаемые лишь посредством упомянутого духовопознания, властвуют в невидимом, в сверхчувственном, и оттуда действуют на человека. Как уже было сказано, вполне естественно, что сегодня ещё насмеются, когда ведется полемика о том, что человек имеет не только физическое тело, которое служит ему в чувственно-воспринимаемом мире для внешних дел и для внешне-чувственного восприятия, но что человек имеет более тонкие члены, духовные члены человеческой природы. Человек кроме физического тела имеет, прежде всего, - так называемое эфирное тело, тонкое тело, тонкое - в сравнении с условиями грубой физической жизни; эти два члена человеческого существа являются тем, что в физическом бытии отходит от человека, когда он погружается в бессознательность сна. Однако высшие члены, духовные члены человеческой природы, - те, которые мы называем астральным телом и «я» человека, переходят в духовный мир в период от засыпания до пробуждения. Таковы познания духовной науки; далее, эти члены человеческой природы, которые в состоянии сна покоятся в бессознательном, становятся самостоятельными действующими лицами, актерами, деятельность которых состоит в том, чтобы одушевлять и наделять силой физическое и эфирное тело, втягиваясь в них, когда человек снова пробуждается от сна.

Если сегодня внешние научные взгляды не позволяют говорить об этих высших членах человеческой природы, не хотят признавать их, то такое непризнание подобно непризнанию воздуха со стороны человека, который отдаст должное только тому, что видимо для физических глаз и тому, что из видимого можно ухватить физическими руками. Ибо так же, как мы в короткие промежутки времени вдыхаем и выдыхаем воздух, как физическую материю, так при пробуждении физическое и эфирное тело вдыхает астральное тело и «я»; а при засыпании они снова выдыхаются, - впрочем, тут слово «дышать» следует понимать образно. При засыпании физическое тело человека выпускает в духовный мир астральное тело и «я». Эти духовные знания будут плодотворны лишь тогда, если они соответственным образом смогут быть применены в жизни, если человеческая душа сможет проникнуться ими, и сможет рассматривать жизнь в свете духоведения.

Мы как люди несомы потоком жизни. Между нашим рождением и нашей смертью мы как бы проплываем в этом потоке жизни. Мне хотелось бы привести одно сравнение, которое должно сделать наглядным это движение, это плавание в потоке жизни. Когда мы сидим в железнодорожном поезде и едем, глядя в окно, то нам сначала кажется, - особенно, если мы ещё не привыкли к поездкам по железной дороге, - нам кажется, как будто деревья и дома проезжают мимо нас, движутся мимо нас. Примерно так живёт

человек, продолжая путешествие по жизни со своим мировоззрением, жизнеощущением, живет по отношению к счастью и несчастью, по отношению к успеху и неудаче в жизни. Ибо, как действует на человеческую природу счастье и несчастье, успех и неудача? Если человеческая природа ориентирована, прежде всего, на то, что она может извлечь из физического мира, то счастье или несчастье, успех или неудача действуют таким образом, что они всегда как бы захватывают, увлекают за собой наше мироощущение, наше чувство бытия; действуют так, что нам - в наших чувствах и ощущениях - сам мир кажется движущимся мимо, особенно, если мы испытываем страдания или боль. И как должны мы сначала привыкнуть к перемещению в физическом мире, чтобы при этом перемещении занять правильную позицию, точку зрения относительно того, что, будучи снаружи, лишь по видимости движется мимо нас, так надлежит человеку достичь правильной точки зрения, чтобы так перемещаться в потоке жизни, чтобы со своим чувством мира, со своим ощущением бытия быть в состоянии оставаться в покое, - в покое в духовном мире, если счастье и несчастье, успех или неудача хотят обмануть его мироощущение, его чувство бытия, обманчиво являя их в кажущемся движении.

Мы, несомненно, должны учесть, что человеческая эволюция, человеческое развитие находится в постоянном поступательном движении, что эпоха следует за эпохой в этой человеческой эволюции, что в эту человеческую эволюцию вступают все новые переживания, и что поэтому душа в различные эпохи исторического развития человечества должна испытывать различные переживания. По мере её разнообразного опыта она должна - с её ощущением жизни, с её чувством бытия, - поставить себя в определенное положение к жизни в целом. Поэтому современному человеку нужно иное отношение к миру, нежели то, какое могла иметь человеческая душа к миру в прожитые прежде эпохи, чтобы обрести внутреннее удовлетворение, спокойствие в потоке бытия. Духовная наука показывает нам, что в современной человеческой душе покоится некоторая сумма, - своего рода фонд сил духовных источников жизни, которые хотят выйти наружу из этой человеческой души. Они хотят выйти наружу так, чтобы они не оставались скрытыми в душе, но вступали в человеческое сознание так, чтобы человек чувствовал их не только как внутренний порыв, внутренний прессинг, но чтобы они могли вступить в мир представлений человека, в мир его идей. Ведь с какой точки зрения, исходя из какого образа мыслей, обращается духовная наука к человеку? Она говорит не так, как если бы она хотела принести вести из некоей чуждой области бытия, из неведомых стран, нет, она говорит, исходя из точки зрения, что она, в сущности, хочет сказать каждой душе только то, что покоится в глубине этой души. И духовный исследователь, в сущности, убежден в том, что во всех, во всех людях существует то, что он всего лишь пытается облечь в слова, во внешние понятия и идеи, что он вовсе не должен говорить людям ничего иного, как только то, что они уже несут в себе. Вся духовная наука, если духовный исследователь правильным образом выносит её перед человечеством, не хочет дать ничего иного, как то, что существует в глубинных основах каждой человеческой души; эта духовная наука является лишь предложением человеческой душе, приглашением извлечь из себя то, что покоится в основе каждой человеческой души.

Так что мы можем сказать: в глубинных основах человеческой души покоится целая сумма сил, которые, будучи подняты в человеческое сознание впервые показывают, что движет человеком внутри, что одушевляет его внутри; человек богаче, содержательнее, чем он сам себя зачастую представляет.

Есть один достойный внимания закон, касающийся отношения человека к его познанию и мировосприятию, закон, который тому, кто его знает, может дать разъяснение некоторых загадок человеческой души. Для того, чтобы наиболее простым образом сделать это понятным, я хочу еще раз вернуться к тем фактам, которые могут быть открыты посредством духовной науки; что человек при каждом засыпании посылает в духовный мир своё высшее существо - своё «я» и своё астральное тело. В этом духовном мире он вначале не в состоянии что-либо воспринять. Но то, что он посылает в этот духовный мир, действительно содержит то, - и по большей части состоит из того, - что духовная наука хочет извлечь из глубинных истоков бытия для бодрственной земной жизни. Лишь в повседневной жизни человек устроен так, что бессознательность покрывает для него, скрывает от него то, что покоится в его душе, когда он в состоянии сна находится вне своего физического тела и эфирного тела; когда же он при пробуждении вносит своё «я» и своё астральное тело в физическое тело и эфирное тело, это «я» и астральное тело заполняются тем, что приходит как впечатления от внешних восприятий, тем, что доставляет нам физический мир. Тогда душа предается внешнему миру; и как ночью бессознательность помрачает то, что покоится в глубине души, так днём оно помрачается тем, что приходит к нам как впечатления внешнего мира. Однако в глубине души действительно покоится всё то, что духовная наука хочет довести до сознания человека. Однако тут правит один закон, важный, существенный закон, о котором постепенно узнают, что он, в сущности, управляет всем бытием; то, что в одном состоянии может быть благом, может действовать разрушительно, пагубно, проявляясь в другом состоянии, как бы в другом месте.

В том, что остается скрытым для материального сознания человека, покоятся невидимые, сверхчувственные силы. Они покоятся в том, что человек во время сна отпускает в духовный мир, они шумят в этом внутреннем мире, приносят человеку в его поведении ненадёжность, отсутствие направления в жизни. Если эти силы поднимаются в сознание, если они преображаются в сознательное познание, в понятия и идеи, они становятся благими, идут во благо, тогда они становятся целительными, тогда они дают человеку направление и цель, спокойствие и надёжность в жизни. Это своеобразный закон, и надо согласиться с тем, что признать этот закон трудно. И, тем не менее, это верно: если то, что даёт духовная наука, может доставить знатоку духовности глубокое удовлетворение, вступив в его сознание, то, находясь лишь внизу, будучи неосознанно и покоясь в тёмном регионе души, оно является элементом, вносящем ненадёжность, является силой, несущей неуверенность. Если то, что духовная наука хочет возвысить до уровня светлого познания, покоится в этих регионах бессознательного, оно не оказывает влияния на человеческое «я»; тогда оно правит и действует в бессознательном и не может оказывать влияния на то, что человек переживает как счастье и боль, успех или неудачу. Тогда человек может вносить в успех и неудачу лишь ту часть своего существа, которая сопутствует счастью и боли таким образом, что душа теряет себя в счастье, что душа тонет в боли, что она опьяняется своим успехом, а неудача наполняет её болью. Тогда душа всюду плывет по течению, сопутствует, раскачивается, плывя в потоке жизни. Но если то, что находясь здесь, внизу в тёмном регионе души опирается на силы, познающие духовный мир, поднимается в «я», так, что это «я» может принимать участие в духопознании, когда жизнь улыбается нам в счастье, или когда жизнь доставляет нам боль и страдание, - тогда «я» уже не раскачивается при счастье и несчастье в потоке жизни.

Тогда оно и в счастье и при неудаче, и при боли и при страдании выступает, будучи укреплено внутренне, укреплено во внутреннем мире; тогда и боль, и счастье переживаются иначе.

Мы, безусловно, должны вносить в сознание кое-что от сущности счастья и страдания, успеха и неудачи, если мы хотим правильно рассматривать характеризованное выше. Ведь что, собственно, приносит человеку счастье и несчастье?

Будучи понято внутренне, то, что человек переживает в счастье, при успехе, в веселые часы жизни, или то, что приносится ему в боли, в траурные часы, при неудаче - нельзя правильно понять, если не принять к сведению того, что человек состоит из внешней физической части и из духовно-душевной, внутренней части. Что такое счастье, что такое успешная жизнь?

То, что в человеке объединено как его сущностные члены, члены его существа, в более тонком отношении получают иное соединение в случае счастья и в случае страдания. Если мы переживаем счастье, если душа погружается в это счастье, или также если она погружается в успех, то, что происходит при этом с природой человека? Тогда то, что в ином случае покоится в человеческой природе, вырывается наружу из внутреннего мира, следуя за тем, что проникает в нас извне как счастье и успех; человек отчуждается от своего внутреннего мира, он перестаёт быть только в себе. Человек входит в нечто чуждое ему. Это отчуждение от себя, это выхождение из себя вовне, является тем, что как бы отображает качание маятника внутреннего человеческого переживания при счастье. Если же человек переживает боль, если у него неудача, тогда духовно-душевное начало, как бы убегая от боли, от неудачи, отступает назад, отступает глубже во внутренний мир, нежели это должно было бы происходить в случае обычных, регулярных бытовых отношений с этим внутренним миром; тогда дело обстоит так, как если бы духовно-душевное начало съёживалось, сморщивалось, так, что человек уже не теряет себя во внешнем мире, как в случае счастья и успеха, но отступает в себя. Поскольку задатки человека таковы, что он может обрести покой и удовлетворенность лишь в гармонической связи с миром, сокращение внутреннего мира в той же мере происходит из его гармонии с жизнью, как отчуждение от собственного существа в состоянии счастья и успеха. Это другая откатка, другое качание маятника внутренней человеческой жизни по отношению к жизни в счастье и успехе; это стремление жить совершенно в себе, убегая от мира, поскольку этот мир хочет излить на нас неудачи и боль. Во всяком случае, для общего человеческого переживания необходимо, чтобы человек испытывал оба эти качания маятника; речь идёт только о том, как он их переживает. Если же он их не переживает, то он даже ищет их. Дополняя это рассмотрение, я хочу показать, как может человек искать этого отчуждения (от себя), отчуждения, которое мы естественным образом переживаем при счастье, когда человек уже не находится в себе, когда он хочет войти в тот элемент, который чужд его собственному «я».

Это имеет место тогда, если человек не хочет придерживаться того, что является содержанием этого «я», когда он действительно не желает пустить в сознание то, что содержится в этом «я», но погружается поэтому в другой элемент; истину «я» человек заглушает покоем во внешнем мире. Такого оглушения могут искать, и его ищут. Именно в наше время мы видим, - позвольте мне добавить, - видим трагические примеры таких поисков самоотчуждения, желания вжиться в то, что не принадлежит «я», ибо человек не желает признать это «я» в его истинном облике. Может случиться так, что массы людей в

целом будут захватываться этим чувством, - желанием оглушить себя чем-то другим, нежели слушать то, что говорит «я». Допустим, это «я» в течение ряда лет говорило известному числу людей; «мы хотим реванша по отношению к тому, что произошло с нами, - наша воля направлена к реваншу». И вот, наступает момент, когда человек не хочет признавать то, что покоится в его собственном «я», момент, когда человек пытается отказаться от этого, и тогда он ищет того, что его оглушает; он не говорит «мы хотим реванша», но говорит: «Мы хотим бороться за свободу и права народов!». Это ничто иное, как поиск экстремума, крайней точки в качании маятника - оглушённость. (речь идет о реванше за проигранную Францией франко-прусскую войну 1871г - примеч. перев.). Или же человек на протяжении многих лет, а то и дольше, поёт: «Рули, Британия!», «Правь Британия!» (слова английского гимна - примеч. перев.), а потом, как достаточно известное продолжение, звучит - «мы боремся за свободу и права народов!». В известный момент человек не хочет признать, что он говорит не то, что находится в самом внутреннем содержании его «я», он находит необходимым как бы выйти из своего существа, и сказать «мы боремся за свободу и права народов!»

Вождение такого рода может подобно эпидемии поражать целым массы людей, оглушающих себя тем, что схвачено внешне, поскольку человек не хочет оставаться лишь в своём «я». Однако человек находит своё направление, уверенность в своей жизни только тогда, если он в состоянии не только оставаться лишь в своём «я», но и вносить своё «я» во всё счастье, во всё страданье, во все успехи и во все неудачи. Упрочения этого «я», внутренней надёжности и укрепления этого «я» мы достигаем тогда, когда мы изгоняем то, что делает «я» ненадёжным. Ненадёжным оно становится потому, что познания духовного мира остаются в тёмных регионах души; оставаясь внизу, в глубине души, они покоятся там, подобно раскачивающейся лодке. Однако, именно они дают уверенность в жизни, будучи извлечены и подняты в другое место - в сознание. Очень странно то, что мы на вопрос: «почему мы ищем духовную науку?» не можем ответить: «для того, чтобы удовлетворить себя духовной наукой, для того, чтобы обрести радость восхождения в этой духовной науке»; нет, мы должны поднять познавательные способности в сознание, поскольку мы их уже имеем в своём подсознании, где они, однако, оставаться не должны. И чем больше мы стремимся иметь в себе познания о духовном мире, тем больше мы будем находить, что наш внутренний мир преобразуется, становится иным, готовят ли нам эти познания радость или горе. Ведь легко представить себе, что в то время, как обычно этот неосознанный внутренний мир наполнен силами, которые могут проявиться как духовная наука, этот наш неосознанный внутренний мир становится пустым по мере того, как мы проникаем сознанием то, что может дать нам духовная наука. Было бы справедливым сравнением, если сказать: происходит нечто подобное тому, когда мы хотим выпустить наружу воздух из воздушного насоса; мы делаем пространство цилиндра пустым, и в него может войти другой воздух. Так нечто иное может проникнуть в нашу душу, если мы делаем себя пустыми от того, что мы поднимаем в своё сознание.

Но, что же может тогда войти в душу? Тогда в нашу душу могут войти те силы, с которыми связана душа в соответствие с её собственным характером. Ибо мы делаем нашу душу пустой от того, что хочет подняться вверх в сознание; так мы открываем в ставшей пустой душе путь для вмешательства Божественно-духовных импульсов. Эти импульсы пылают в нашей воле, они согревают наше чувство теми силами, струящимися из этих Божественно-духовных импульсов; они дают нам уверенность в жизни, так что

мы в подходящий момент говорим: ты должен обратиться к тому, ты должен понять то, что в жизни подступает к тебе как счастье и радость, как боль и страдание. Благодаря этому человек будет замечать, что дело не столько в том, что подступает к нам в качестве духовной науки, а в том, чем становится наша душа благодаря духовной науке. Прилежно исследуя душу, мы будем замечать: когда ты стремишься принять в свою душу эти познания, душа превращается в нечто совсем иное, чем была она прежде. Наступают моменты, которых не было раньше, в которые душа чувствует: «Сейчас я должна сделать это, сейчас я должна сделать то». Наступают моменты, когда приходят импульсы, приносящие нам то, что даёт нам равновесие в жизни. Этих импульсов не было бы, если бы они не выступили в замену тех, остающихся бессознательными познаний, которые посредством духовной науки были выдвинуты вверх.

Если мы заботимся о духовной науке, тогда мы видим себя по отношению к своему внутреннему миру так, как ведут себя, желая урегулировать поток: чтобы как-то урегулировать воду, не действуют на неё непосредственно, так как проку от этого было бы мало; но, в первую очередь занимаются земляными работами, грунтом, вынимают грунт в определенном месте, то есть стараются сделать в земле канаву, ров, по которому мог бы тогда пойти поток. Так же обстоит дело и с душой. К тому что может принести нам уверенность в жизни, жизненную гармонию, спокойное понимание жизни и в счастье, и в горе, мы можем подходить не так, как если бы мы стали заниматься непосредственно водой; вода сама стремится по тому пространству, которое мы подготовили для неё в земле, - так и духовные силы сами собой устремляются в нашу волю и чувство, если мы готовим им русло. И мы готовим им русло, извлекая из основ души то, что обычно препятствует проникновению Божественно-духовного мира, - то, что, будучи поднято в сознание, уже не мешает этому проникновению. Поэтому посредством духовной науки мы не просто познаём нечто, но мы в полном смысле этого слова преобразуемся; ибо то, что обычно не может войти в нашу душу, втекает в неё, и мы, в качестве успеха от изучения духовной науки, ощущаем внутреннее укрепление, внутренних процесс усиления души.

Благодаря чему происходит усиление? Посредством чего укрепляются? Мы не можем чувствовать этого в каждый момент. Но мы можем испытывать это так, что встретившись со счастьем, -которое обычно оглушает нас, может закабалить нас, - мы, хотя и переживаем счастье, испытываем его вполне, но переносим в это счастье самих себя, с душой, усиленной изнутри, с нашим окрепшим внутренним существом. В случае боли мы переносим боль с тем же трагизмом, но можем погрузить в эту боль наше «я», а если мы переносим в эту боль наше «я», у нас не возникает необходимости отчуждаться от мира.

Надо вглядываться в духовную науку несколько глубже, если хотят понять весь объём того, что, в сущности, означает для жизни такое изменение отношения к счастью и горю. Состояние, в которое человеческая душа вступает, - пусть это выражение будем правильно понято, - как в ясновидческое становление души, можно рассматривать как пробуждение. Посредством такого пробуждения человек вступает в мир, который он не осознавал, покуда имел воззрения лишь о физическом мире и рассудочные суждения о нём. Допустим, что человек, переживая счастье и успех, внезапно «пробудился». Итак, представим себе человека, который до этих пор привык только к тому, чтобы видеть этот физический мир, давать ему воздействовать на себя, то есть погружаться в физический мир без той силы, которую ему может дать духовная наука; представим себе, что такой

человек, переживая успех, оказался бы пробуждённым, оказался бы в духовном мире. Что он увидел бы тогда?

Такое пробуждение могло бы стать глубоко мрачным мгновением в его жизни, доселе наполненной счастьем. В такое мгновение перед душой выступает то, что можно характеризовать так: отчуждение души от самой себя. То, чем наслаждался человек в счастье, в успехе, то, что он при этом испытывал, он увидел бы словно тонущим, утопающим, увидел бы, что он в состоянии удержать этого, ибо сил удерживать у него нет. Благодаря такому пробуждению совершенно особым образом перед нашей душой выступает то, как мы теряем себя в жизни, если без духопознания идем курсом счастья и успеха. Ибо такие моменты, - об этом узнают благодаря духовной науке, - когда мы добиваемся счастья и успеха, только тогда могут стать силой, действительно укрепляющей наше вечное «я», проходящее через врата смерти к вечности, если мы не утрачиваем, но удерживаем себя в переживаемом счастье. Духовная наука не ведет к тому, чтобы подпортить человеку счастье, или упрекать его за счастье; ни крошки счастья и радости не хочет духовная наука ослабить, или отобрать у человека. Но она хочет указать, и указывает на то, что счастье, которое переживают без выше охарактеризованной связи с миром, в своём действии не может связать себя с глубочайшими силами нашего «я». Ибо для того, кто идёт через этот мир так, что он, без духопознания не укреплен в отношении своего «я», исходя из этого счастья не приходит ни к чему иному, как только к страстному желанию дальнейшего счастья. Из такого переживания счастья он не берёт укрепляющих сил для всей последующей жизни. Однако тот, кто в счастье вносит силы, которые открываются ему, если он ищет духопознания, тот впитывает, всасывает из счастья хранящую, оживляющую силу, которую он вносит в своё «я», ибо он укрепил эту силу посредством духовной науки, духоведения. Именно тогда то, что могут дать ему счастье и успех, он вместе с собой несёт в вечность.

И сходным образом обстоит дело с болью, страданием, неудачей. Мы можем снова исходить из того духопознания, которое даёт нам ответ на вопрос: что представилось бы человеку, если бы он в момент величайшего болезненного страдания внезапно пробудился, если бы он увидел то, что представляет собой духовный мир? Он увидел бы тогда отвержение от мира, судорожную само-концентрацию; он увидел бы помрачение того, что находится вокруг него. Духовное помрачение, затемнение воспринял бы человек, если бы он без духопознания вдруг пробудился. Это помрачение опять-таки преобразуется для того, кто вносит в боль душу, уже укрепленную посредством духовной науки; для него пробуждение становится иным, оно становится светом для такой души. Итак, переживая боль духовно-осознанно, душа становится победителем боли, поднимается над всеми неудачами, и из такого переживания рождается для души плод боли, плод неудачи. Этот плод - возвышенное познание, пронизание познания сознанием духовной жизни. Поскольку это так, я часто рассказывал здесь в этих лекциях о переживаниях, об опыте, который может иметь духовный исследователь. Счастье и радость всегда, или, по крайней мере чаще всего подступают к нашей душе извне. Они являются чем-то таким, что выступает нам навстречу. Когда в случае нашей боли, нашего страдания мы поглощены нашим переживанием, мы как бы втягиваем себя в нас самих. Счастье мы как бы ловим налету, тогда как от боли нам хочется бежать; но мы можем спастись от неё бегством, если судорожно сосредоточиваемся в себе самих. Можно было бы спросить того, кто накопил в своей душе некоторое духовное знание: что ты переживал при счастье

и радости, или, что ты переживал при боли, страдании, что ты испытывал в случае неудачи? И духовно познающий дал бы на это такой ответ: я благодарен, сердечно благодарен духовным мирам за то, что они посылали мне моё счастье и мою радость; и если бы мне пришлось выбирать, чего бы я охотнее не имел в своей жизни, счастье или боль, я охотнее лишился бы счастья; ибо хотя я очень благодарен счастью, однако за то, что стало для меня светом над миром, я должен быть благодарен моим неудачам. А тому, чем я стал с моим познанием, я стал благодаря пережитой мною боли. В полном смысле слова я должен сказать: благодаря моей боли я обрёл самого себя, благодаря переживаниям моей боли я включён в мировую гармонию, я гармонически встроен в мировой порядок!

Человек учится познавать боль и счастье столь основательно, если он выработал своё отношение к духовному познанию. И если мы спросим себя: так чем же является то, что как эликсир жизни, как живая сила жизни вливается в душу благодаря тому, что человек даёт возможность устремляться в душу тем духовно-божественным силам, даёт наполнить её духовными познаниями? В этом случае мы должны сказать: в душу втекает спокойствие, равновесие и уверенность; такое спокойствие, такое равновесие и такая уверенность, что вследствие их и счастье, и горе, успех и неудача становятся для жизни чем-то совершенно новым.

Чем же они становятся? – поскольку мы, благодаря счастью обретаем свою связь с внешним миром, счастье становится укреплением всего нашего существа; счастье вливается в наше чувство, в наши волевые импульсы. Мы не затуманиваем себя счастьем, мы не притупляем его для себя; мы не презираем счастье. Мы принимаем его с благодарностью из рук мировых властей, но мы подступаем к нему так, что срываем вечные плоды на древе счастья, плоды для нашей воли, плоды для нашего чувства. Тот, кто в состоянии так наслаждаться счастьем, может испытать, что он переживает это счастье в поистине не меньшей степени, чем тот, кто испытывает счастье, будучи духовно бессознательным. Переживания счастья становятся тоньше и интимнее; тоньше и интимнее постольку, поскольку они как бы стараются открыть нам окно в духовный мир, поскольку они становятся средством для укрепления нашей души, которое может придти к нам из духовного мира.

А если мы погружаемся в боль? Поистине, духовная наука не должна становиться в жизни средством сентиментального утешения от боли; не к поверхностности должна вести человека духовная наука. То, что причиняет нам боль, это и должно причинять нам боль, это благотворно: ибо боль закаляет жизнь, боль закаляет силу. Итак, духовная наука стремится не к тому, чтобы устранить боль. Напротив: человек будет ещё глубже проникать в неё, человек будет поистине испытывать своё существо, будучи духовно познающим. Но в то время как вследствие счастья может возникнуть укрепление воли и чувства, то вследствие боли, из боли может возникнуть укрепление познания, уверенность познания, укрепление и надёжность другой части души, причём в большей степени, нежели благодаря счастью. Как тот, кто окончил жизнь как мученик, перенося боль, чудесным образом захватывая нас, демонстрирует победу света над мраком, так человек, внося в боль своё сознающее дух «я», сам воспринимает то, как это сознающее дух «я» поднимается над болью, но, поднимаясь над ней, становится всё светлее и светлее, наполняя себя тем светом, который подобно светильнику светит в жизненных бурях и в борьбе за существование.

Не только одно познание даёт нам духовная наука. То, что она нам даёт, это, прежде всего, является лишь причиной. Следствием же является «я», укреплённое благодаря жизненному равновесию и жизненному спокойствию; следствием является достижение полюсом спокойствия в бегущем потоке явлений. Но важнейшее, - это жизненная энергия, которую даёт нам духовная наука, и сознание, благодаря которому мы говорим себе: благодаря твоей устремлённости, твоим усилиям в духовной науке ты достигаешь не только того, что, в конце концов, представляется тебе как познание; ты стремился к познанию, но ты всего навсего извлёк его из глубины твоей души, поскольку хотел сделать душу пустой: и теперь тебе показано, что она стала полной, что Божественно-духовная жизнь благодатно заструилась в глубину твоего существа, делая тебя уверенным в жизни и внося гармонию в жизнь. Тем самым в качестве следствия духовной науки обнаруживается глубоко религиозное настроение, чувство божественных волн в душе, волн, пронизывающих эту душу. И мы будем наполняться настроением благодарности, постоянным молитвенным настроением по отношению к тому, что является источником мира, если освободим душу для того, что может втекать в неё; если мы познаем, как Божественное начало действительно становится единым с нашей душой, если мы подготовим ему место, становится единым в полном соответствии с требованием Мейстера Экхарта, Иоганна Таулера, Якоба Бёме, Ангела Силезского. И когда мы погружаемся в это настроение ожидания, в, своего рода, опустошенность нашей души, мы подготавливаем для себя возможность, чтобы наше чувство согрелось и пронизывалось пульсом той жизненной интуиции, той жизненной инспирации, которая позволяет нам действовать правильно. Мы познаём себя в качестве инструмента Мировых Духов, которые хотят вступить в отношения с нами. А это придаёт жизни неиссякаемое богатство и уверенность.

Так что же это такое, то, что при этом вовлекается в нашу пустую душу? Что связывает душу в её существе с тем, чем является её существо? В неё вовлекается Божественно-духовное начало. Только тогда душа и может впервые осознать это Божественно-духовное начало. Ибо, не будучи осознанным, оно остаётся в глубине сна, когда «я» и астральное тело выдохнуты, неосознанным остаётся оно и в бодрственной жизни, поскольку тогда оно заглушено, ослеплено внешними впечатлениями физического бытия. Если же нас наполняет духопознание, тогда мы будем живо воспринимать в нашей душе это Вечно-Живое; тогда мы найдём путь, чтобы правильным образом срастись с тем, что в жизни переносит нас через жизненный поток. Однако, что же переносит нас через жизненный поток? Одно слово объясняет нам это, одно слово, содержание которого тяжело; это человеческая судьба. Как понимаем мы эту судьбу? Пока мы придерживаемся лишь внешних проявлений материального быта, пока мы хотим лишь обобщать эти внешние проявления посредством комбинирующего рассудка, связанного с головным мозгом, как понимаем мы эту судьбу? Мы понимаем её как нечто такое, что встречается нас, что подступает к нам; мы говорим о «случайности» в жизни. В одной из последних лекций уже упоминалось то, как выглядят в жизни эти случайности, если даже не касаться духовной науки. Если мы в какой-либо момент жизни проверим себя, кто мы есть, чем мы стали, и затем вернёмся в нашей жизни к известному пункту после нашего рождения, то мы найдём, что мы стали тем, кем стали, благодаря тому, что с нашим «я» происходили некоторые случаи, судьбоносные случаи. Может быть, однажды в юности нам не повезло, мы испытали неудачу; когда мы в школе хотели решить обычную задачку, мы не смогли

её решить, или решили неверно; но из-за того, что мы решили её неверно, это имело для нас те или иные следствия. Эти следствия погребены в глубинах нашей души; и сейчас в нашем возрасте они ещё находятся внутри нашей души. Однако то, что мы в определённых случаях нашей жизни ожжем принять быстрое решение, является следствием того, что раньше мы потерпели неудачу. Тем самым мы смогли укрепить наши силы. То, чем мы являемся теперь, мы обязаны тому, что случилось с нами в соответствии с судьбой.

Если мы принимаем к сведению эти познания, мы уже можем, не касаясь духовного познания, осуществить идентификацию нашей жизни, нашего «я» с судьбой. Мы и есть наша судьба, мы являемся нашей судьбой (wir sind unser Schicksal), ибо наша судьба сделала нас тем, кем мы являемся. Расширим это познание до духовнонаучного понимания того, что наше «я» претворяет случайности судьбы в счастье и страдание; тогда мы подступаем к этим случайностям судьбы. И в то время, как обычно мы, в случае счастья или горя находим: мы должны как бы отстраниться, обособиться от счастья и горя, мы не должны поддаваться им, то в случае, когда мы будем рассматривать нашу судьбу, и всё, что в соответствии с судьбой подступает к нам, то мы найдём прямо противоположное: оно должно подступать к нам, причём, через нас самих! Ибо всё, что делает судьба, внутренне связано в нашем «я». Постепенно для нашего сознания осуществляется соединение с судьбой, мы вносим наше «я» в ход нашей судьбы. Мы освобождаемся от нас. Мы вступаем в нашу судьбу, мы выходим в ход мировых событий, в мировой ход. Мы становимся едиными с ходом мира, мы вступаем в самый поток жизни; мы самоотверженно входим в то, что обычно мы рассматриваем с симпатией или антипатией. В то время как обычно, мы рассматриваем счастливые случаи с симпатией, а несчастья - с антипатией, мы в отношении судьбы будем теперь знать: тут внутри находишься ты сам, и не будь ты там внутри, ты не стал бы тем, кем ты являешься сейчас!

То, что я только что сообщил, легче сказать, чем провести в жизнь. Но если человек вносит своё «я» в ход судьбы, то вопросы судьбы становятся чем-то совершенно иным, нежели были они в ином случае в обычной жизни. Они тогда становятся чем-то живым в жизни, они тогда воспаляют в нас силы. Как познание делает нашу душу пустой, так что Божественно-духовные силы могут втекать в нас, так что мы можем чувствовать самих себя окрепшими, так теперь, - в то время как обычно «я» было пустым для случайностей судьбы, - теперь благодаря тому, что мы выносим наше «я» в судьбу, в это «я» втекает то, что идёт через смерть и рождение, то, что ведёт нас назад к более ранним земным жизням, то, что показывает нам, как наша нынешняя земная жизнь является исходным пунктом для новой земной жизни. Нет иного пути, на котором человек может стать единым со своей вечной природой и существом, которое идёт через рождение и смерть, кроме того, как стать единым с потоком судьбы, стать единым, благодаря познанию того, что мы зачастую сами готовим себе нашу судьбу; что мы в более ранней жизни сами подготовили себе нашу судьбу для нынешнего бытия. Мы становимся едины с тем, что внутри души связывает нас с духом. В то время как обычно мы являемся человеком, который словно плывёт по бескрайнему морю в челне и ничего не знает, кроме того, что происходит в этом челне или в самой близи от него, то благодаря духовнопознанию человек узнаёт, что в этом море не только один челн; много челнов видит он в одном направлении, много челнов в другом направлении, и он знает, что его жизнь в этом одном челне - между рождением и смертью, - длится некоторое время, но затем он,

избавившись от сил, которые приковывали его к жизни в этом челне, проводит жизнь в духовном мире, однако через некоторое время он снова оказывается в каком-то другом челне; он знает и то, что до тех пор он находился в другом челне. И насколько человек не был уверен, когда чувствовал себя прикованным лишь к одному челну, настолько становится он уверенным, если знает, что через некоторое время он из одного челна сможет перейти в другой, так и жизнь в вечном потоке бытия обретает надежность, если мы поставим себя в нашу судьбу так, что мы в нашем «я» идентифицируемся с нашей судьбой. То, что мы испытываем в жизни, то, что подступает к нам как наша карма, как наша судьба, становится тем, чем стали мы в жизни. Мы научаемся познавать вопросы судьбы как вопросы совершенствования нашей души. И тогда мы говорим себе: если ты переживаешь горе, боль, неудачу, то это горе, боль, неудача проникают в твою душу так, что делают её крепче в той части, где находятся сознательные силы, и ты идёшь с укрепленной душой через врата смерти, и с укрепленными силами вступаешь в другую жизнь. Если обычно вопросы судьбы таковы, что распространяют над жизнью тьму, то они становятся вопросами совершенствования нашей души, как скоро мы проникаем эти вопросы духопознанием; над жизнью изливается внутренний покой, если мы подходим к вопросу о судьбе именно таким образом. Можно сказать: то, что может подступить к человеку в жизни, то, чего требует от людей жизнь, - всё это явится в новом свете, и навстречу всему этому человек выступит с новой силой, если он обеспечит доступ Божественно-духовных сил в свою душу. Обеспечит посредством того, что он наполнил духопознанием сознательную часть своей души. Вот почему духопознание - не есть только теоретическое познание, не есть нечто такое, что мы принимаем только в понятиях и идеях; нет, принимая духопознание в понятиях и идеях, мы делаем нашу душу чем-то иным. Посредством духовной науки мы не доказываем бессмертия души, но мы, занимаясь духовной наукой, подготавливаем душу так, чтобы она переживала себя в своей живой природе, а тем самым, переживала своё бессмертие. Новую жизнь, пробужденную жизнь даёт духовная наука человеческой душе.

В нескольких кратких чертах я пытался показать, что духовная наука может стать своего рода эликсиром для жизни души. Тот, кто изучает ход немецкой духовной жизни, может благодаря внутренней природе и сущности этой жизни познать, что эта духовная жизнь является подготовкой к тому, чтобы придти к признанию действительно живой духовной науки. Это то, что в прошлый раз было изображено как германское душевное начало (*Seelenhaftigkeit*), как немецкая духовная жизнь, изображено как тренировка духовных сил для того, чтобы подойти к тому, что ещё может быть достигнуто, достигнуто благодаря тому, что Народная Душа в целом, усилилась, стремясь к достижению таких познаний, представлений и идей, о которых речь шла вчера (см. лекцию 5 т 64, «Германская Душа и немецкий Дух»). Всё это было укреплением ради новой жизни. Но в жизни всё это находится в живой внутренней связи. Поэтому можно считать оправданной веру в то, что вступившее в немецкую духовную жизнь подготавливающее к жизни и укрепляющее в жизни духопознание, духопознание, выявляющее формирующие силы души, живёт не только в немецкой философии и литературе, но живёт и во внутренних корнях немецкой народной силы. Своеобразие немецкой духовной силы состоит в том, что она, - если мы исследуем немецкое искусство, немецкую литературу, немецкую философию, - никогда не проявляется для нас так, как если бы она была всего лишь пеной на поверхности жизни, но так, как если бы она всё снова и снова пробивалась

из подоснов, из почвы жизни. Мы можем взглянуть на тончайшие проявления немецкой духовной жизни; сколь утончённо они выступают перед нами, например, в Новалисе, и мы всегда будем находить следующее: от этой утончённой жизни некий поток спускается вниз до корней народности. Гегелевская философия несомненно является для большинства людей упражнением, от которого они бегут, ибо трудно свыкнуться с кристально ясными, кристально холодными ходами мыслей; но эти ходы мыслей являющиеся такими кристально ясными, такими кристально холодными, представляют собой путь от того, что кажется абстрактным, вниз, к корням народности, из которых и вытекают силы, подающие на Востоке и Западе надежду на полное спасение немецкой сущности, вопреки атакующим её врагам. В некоем живом организме, - таким живым организмом является то, что мы называем немецкой духовной сущностью, - всё взаимосвязано, всё принадлежит друг другу. И если говорят, что другие народы тоже обладают сплочённостью, то следует подчеркнуть то, что уже часто подчеркивалось тут ранее: то, что в различных областях бытия выступает нам навстречу как одно и то же, как то же самое, не всегда является тем же самым. В том, на что мы надеемся, в немецкой сущности, в том, что сплачивает и укрепляет теперь немецкую сущность, призывая к самоотверженным действиям, живёт, - хотя и неосознанно, - та сила, которая должна быть ключом в жизнепробуждающем, затребованном жизнью духовопознании; и поскольку эта сила живёт в духовопознании, хотя и неосознанно, на уровне предчувствия, она вдыхает в дела немецкого народа волшебное дыхание единства. Вот почему мы смеем надеяться, что это единство на деле выявит то, куда в своей зачаточной силе стремится немецкий Дух. То, куда стремится немецкий Дух есть ничто иное, как стремление познавать физический и духовный мир в единстве, в единстве познавать и упорядочивать - на основе духовопознания - всю жизнь как духовного, так и физического мира.

Познавать в единстве, - о, это многое значит! Многое значит также и во внешней области жизни. Мы живём в тяжкое, суровое время. Должны вернуться времена, когда мы будем жить в иных обстоятельствах, когда люди снова будут жить в мире, но предавшись борьбе за духовные блага, предавшись тому, что, в конце концов, должно занимать в жизни большую часть времени. Чтобы явилось солнце культуры, которое должно развиться из тех сумерек, в которых мы находимся теперь, понадобится сила, крепкая, настоящая сила. Чем может стать для людей то, если человечество немного проникнется духовопознанием, если он немного объединит духовное с физическим?

Мы смотрим на то, что сейчас столь болезненно подступает к нашим душам, смотрим на столь многих, проходящих через боль, страдания и смерть, чьи души мы узнаём в тех мирах, которые мы созерцаем благодаря духовопознанию. Но в соответствие с потребностями нашего времени, в соответствие с запросами человеческой души в наше время, мы учимся заглядывать в духовные миры. Однажды уже указывалось на то, что рассматривается здесь. Если мы обратим взор на всех тех, кто в расцвете своей жизни, в верной любви к своему народу прошёл через врата смерти, мы увидим тогда сумму неизрасходованных сил, тех неиспользованных сил души и воли, которую те люди ещё могли бы применить в жизни, если бы они из-за событий времени, в соответствие с долгом не прошли бы так рано через врата смерти. Взглянем на неё, на эту сумму сил, неиспользованных в физическом мире, которые могли бы развиться как силы тех, кто ушёл вследствие тяжких событий времени. Разве то, что могли бы пережить эти люди,

если бы они преждевременно не прошли через врата смерти, больше не существует? Разве оно потеряно?

Если бы мы стали смотреть вверх в духовный мир лишь посредством того, что даёт наше физическое зрение, мы бы не получили ответа на этот вопрос. Но если мы знаем, как свести в единство мировоззрение духовного и физического мира, свести к единой жизненной силе, то мы заглянем в духовный мир и узнаем тогда, что эти силы не утрачены, что они струятся через бытие, и что в грядущем целым поколениям, целой эпохе отдадут свои силы те, кто теперь преждевременно проходит через врата смерти. Будучи соединены с этими силами, мы будем в будущем созерцать земные деяния, соединяющие физический и духовный мир в единство; мы будем добиваться нового понимания того, как в нашу, ставшую полый вследствие духовной науки, душу, будут втекать те силы, которые кажутся потерянными. Люди будущего, будучи укреплены духопознанием, получают благодаря этому духопознанию возможность не потерять эти, кажущиеся теперь потерянными, силы. Нет, эти потерянные силы будут и дальше действовать в событиях времени; и в том, что будут делать люди в грядущие дни, будут жить силы, которые в настоящее время на полях сражений устремляются, струятся через врата смерти. Эти силы будут осознаны, они не останутся бессознательными, как в прежние времена. К этому бытию своих умерших были бессознательно причастны народы более ранних времён, до тех пор, пока эти народы ещё имели остатки древнего ясновидения. Нас может необычайно тронуть, если мы услышим, как в 378г по Р.Х. готы вели войну против Рима; в то время, как в начале битвы на римской стороне раздавались бессвязные крики, на стороне готов звучала боевая песня, которую они пели во славу и честь своих невидимых умерших. Они осознанно стремились привести себя к видению своих умерших; они обладали пониманием вечного продолжающегося воздействия того, что невидимо. Это понимание будет снова достигнуто человечеством, но теперь уже на сознательном уровне, сознательным образом; и благодаря такому пониманию во всей этой великой жизни распространится уверенность и жизненная выносливость. И когда души матерей, отцов, братьев и сестёр, всех оставленных в этом физическом мире будут взирать на тех, кто был с болью оторван от них, они будут взирать на них как на действительно живых, как на таких, кто из тесноты своего физического бытия излил свои силы во всеобщее бытие человечества; тогда окажется, что умершие не потеряны, поскольку человек будет ощущать их как живущих дальше во всеобщем бытии человечества. Духовная наука как таковая, сможет действовать в самых простых человеческих душах. Ибо духовная наука есть эликсир жизни; духовная наука задаёт направление для жизни и гармонизирует душу; духовная наука является тем, что поддерживая нас, позволяет нам внедряться в радость и горе, в успех и неудачу, в счастье и в несчастье, ибо она способна дать нам из Божественного начала то, для чего мы высвобождаем, опустошаем свою душу. Души, которые, благодаря духовной науке стали полыми, пустыми, становятся полыми для того, чтобы в них могло втечь, влиться то, что может вливаться в эти человеческие души и человеческие сердца от духов людей, павших на поле брани. Только те души, которые не сделали полым своё внутреннее, должны будут потеряться в боли и страданье, на которые обрекают столь многих людей события современности. Однако люди идущие, будучи укреплены духопознанием, найдут, что их, ставшей полый душе Боги возвратили то, что телесно взяла у них Земля. Они станут понимать речь духа,

который после смерти живо говорит с ними, хотя для них пресеклась возможность слышать физическими ушами любимую речь своих верных близких.

Итак, укрепляя сердце и чувство, жизнь и существо, духовная наука проходит не только через человеческий разум и человеческий рассудок; нет, она должна проходить через человеческие сердца, должна проходить через всё, что наполняет человеческую душу. Именно духовная наука может это сделать для тех, кто хочет в полнейшей ясности познать себя. Она может дать нам уверенность в том, что у нас есть надежда, будучи исполненными светом, пройти через всё то, что сегодня с такой суровостью окружает нас. И всему, что может быть дано нам благодаря серьёзным рассматриваниям, придаёт остроту суровость и великое достоинство нашего времени. И сегодняшнее сообщения мы можем как бы обобщая, облечь в чувство, посредством которого мы хотим сопережить тех, кто сегодня участвует в борьбе, и кто уже, возможно, прошёл через врата смерти - обобщить в той речи, которая осознаётся одними, не осознаётся другими, - но для всех умерших может быть осознана. Мы можем с надеждой взглянуть на то время, которое должно придти ради прогресса, придти на благо человечества, - это время должно придти как плод нашего настоящего времени. Мы можем взглянуть на то, что для человечества снова наступят мирные дни, дни мира, когда через мир, через человеческие души будет стремительно протекать то, что из общности Божественно-духовных сил может притекать к человечеству, вливаться в человеческое развитие, укреплять человека. Люди будут действовать, будучи воодушевлены и усилены Божественно-духовными властями, волнообразно протекающими сквозь этот мир. В этом будущем мы можем с возвышенным чувством видеть, что, исходя из духовной науки, нам даётся ответ на тревожный вопрос времени; что будет жить во всех, кто будет действовать в мирное время, когда будут опекать искусство, знание и бороться за мир? И мы сможем узнать, что во всём, что тогда будут делать люди, будут жить те неисчислимые человеческие силы тех, кто, будучи ещё молодым, заглянул в будущее, кто идет через врата смерти на полях Востока и Запада!

Это ли не учение для перенесения жизни в счастье и горе, если взглянув на смерть и страдания нашего сурового времени, мы знаем, что из этой смерти и страдания исходят силы, невидимые силы, которые в грядущее мирное время будут править ради блага и прогресса человечества? Ибо будут являться силы, с которыми будет связано то, что затем должно будет действовать на Земле, силы, которые явятся, как обобщение видимого и невидимого становления, которые будут проявляться, чтобы действовать среди братьев не только в видимом, но также и в невидимом мире, силы, которые духовно обретут сердца тех, кто потерял эти силы в наше суровое время.

И, как мне кажется, это тоже будет эликсиром жизни! Укрепляя и усиливая, они смогут слиться с нашими силами, влиться в наши жилы именно в наше время, когда такой эликсир жизни необходим, - поистине очень необходим! Если мы понимаем внутренний смысл духовной науки, мы знаем, что этот эликсир жизни должен появиться. Ибо, что приносит внешняя жизнь? Не с тем, что она приносит, связан этот эликсир, но с тем, чем мы становимся в нашем самом внутреннем существе благодаря собственным силам, с тем, чем мы можем стать. И то, что мы обрели благодаря глубочайшим внутренним усилиям нашего собственного, внутреннего фундаментального существа не будет потеряно ни для нас, как людей, ни во времени, ни в вечности. Этого у нас не отберёт ни горе, ни боль, ни смерть!

